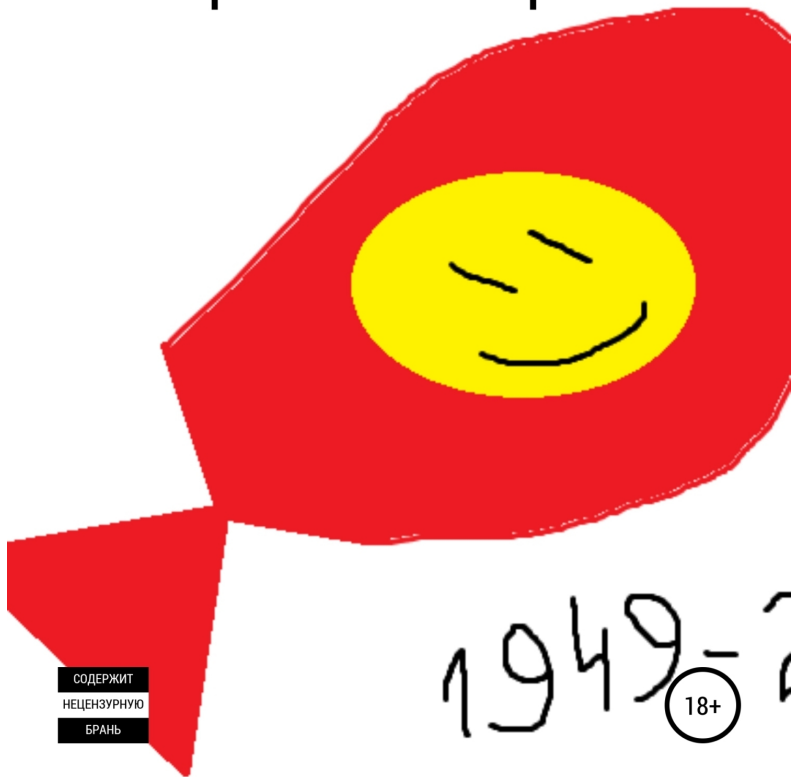

Красная горка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

1949-2019

18+

Мулька Пулькович

Мулька Пулькович Морковный

Красная горка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67819110

SelfPub; 2022

Аннотация

Немного историй из детства, дохлых каламбуров и посыпанных конфетами могил. Дети любят что-нибудь необычное, но, насколько я знаю, конфеты они любят еще больше. И в рассказе это есть. Рассказ ерунда, но на топку электронных печей сгодится, так что прошу к столу.

Содержит нецензурную брань.

Мулька Морковный

Красная горка

На прибитой к высохшему дереву ядовито-желтой табличке было написано: "Уважаемые посетители, будьте добры, после захоронения выбрасывайте венки и проч. за пределами кладбища". Тут же, в десяти шагах от таблички возвышалась грузная гора из траурных венков, ленточек и букетиков искусственных цветов. Под начинающим припекать весенним солнцем гора поблескивала бесчисленным множеством пластиковых бутонов. Черные ленты, сообщавшие о вечной памяти, любви и скорби, выпукло колыхались на ветру.

Веня не был суеверным. В призраков он не верил, в бога, который мог бы покарать его за осквернение могил – тоже. Но, тем не менее, Ване и Максиму потребовалось целых полчаса, чтобы уговорить Веню пойти с ними на кладбище, расположенное за рекой на окраине города.

— Да пойми ты, никто на нас ругаться не будет. – сказал Максим, порядком уставший от трусливого упрямства друга – на Красную Горку люди специально приносят на кладбище конфеты и кладут их на могилы своих близких, чтобы их кто-нибудь помянул. Так принято. Ну, помнишь, к нам бабуля подходила и предлагала нам конфеты, чтобы мы помянули ее умершего мужа?

— Так те конфеты же были невкусными...

— И че? На кладбище будет до хера конфет, и вкусные там тоже будут. Выберешь то, что понравится. Соображаешь?

— Даже не знаю...

— Ты че, – вмешался в разговор Ваня, – хочешь, чтобы все конфеты достались цыганам? Они каждый год туда целыми полчищами налетают и все сжирают! Лучше уж нам, чем им. – подытожил он, вспомнив ворох пугающих историй о цыганских проделках, про которые ему рассказывала бабушка.

— Ну ладно. – сказал Веня, поддавшись уговорам, но так и не отделавшись от сомнений насчет задуманного.

Поход до кладбища занял сорок минут. Добравшись до места, Веня почувствовал гудящую тяжесть в ногах. Их путь пролегал через множество крутых подъемов, оврагов и вишневых узких тропинок, виляющих из стороны в сторону, как корабль, попавший в шторм, или как пьяница, идущий домой поздно вечером. Долгая дорога измотала Веню. Ваня с Максимом же, напротив, бойко шагали впереди, не проявляя никаких признаков усталости. Карманы их шорт распухли от засунутых туда пакетов, предварительно взятых из дома, чтобы собирать в них сладости. Мальчики оживленно болтали о том, как много конфет они соберут, какие это будут конфеты и каким образом каждый из них распорядится добычей.

— Веня, шевели булками! – периодически подгоняли Ве-

ню мальчишки, прерывая свой беспорядочный поток фантазий о приближающемся сладком будущем.

Веня в разговоре не участвовал. Он думал о покойном дедушке Саше, который умер от сердечного приступа пару лет назад и который, возможно, был захоронен именно на том кладбище, к которому они шли. Будучи слишком маленьким, Веня на похоронах не присутствовал, потому он и не мог помнить, где находилось последнее пристанище его деда. Зато он отлично помнил опустошенный взгляд бабушки, вернувшейся домой после похорон. На ее голове была черная повязка, с которой она проходила еще несколько месяцев, не снимая. А еще Веня отчетливо помнил мамины слезы, увиденные им первый и последний раз в жизни. Смерть деда Саши скорее удивила его, чем опечалила, ведь по-настоящему близкими они никогда не были. Но молча плачущая, хлюпающая носом мама навсегда отпечаталась в его сознании, и это была его собственная, персональная скорбь, имя которой он не знал.

Встречаться с дедушкой, память о котором за прошедшие два года успела изрядно смазаться, Веня не хотелось. Будет как-то неловко, если он придет на его могилу не для того, чтобы почтить память, а лишь за конфетами, на ней лежащими. Но пацы уверяют, что это безопасно, что так и положено делать, что никто их отчитывать и угрожать им детской комнатой милиции не станет, а значит, и беспокоиться не о чем. В конце концов, конфеты Веня тоже очень даже любил.

Кладбище, по горло тонувшее в майском буре, было цветастым и пестрым, как конфетти. Все элементы кладбищенского ландшафта сияли яркими и кричащими цветами. Голубые зубчатые оградки, зеленые кресты, фиолетовые поминальные столики и скамейки своей жизнерадостной какофонией возмутительно диссонировали с могильной атмосферой смерти и скорби. Кладбище, заляпанное всеми цветами радуги, напоминало детскую площадку.

Расцветшая накануне сирень, высаженная по округе, пышно благоухала. Ударивший в нос приторно-сладкий аромат цветов заставил Веню брезгливо поморщиться. В первое мгновение он подумал, что так пахнут трупы, тихо разлагающиеся глубоко в земле.

Веня молча шагал позади слегка притихших, но также бурно болтающих Максима и Вани. Разглядывая плотные ряды могил, между которыми, как между зубами, практически не было зазоров, Веня подумал: "Им там, наверное, тесно". Ему было боязно празднично бродить по кладбищу. Казалось, что, если и можно сюда приходить, то только по веской причине, вроде смерти близкого или же своей собственной. А они заявили в такое место с улыбками на лицах и пакетами в карманах, чтобы собрать побольше конфет. Это походило на воровство, только Веня не мог понять, у кого они воруют: у живых или у мертвых. Он шел в ожидании, что вот-вот из-за кустов выпрыгнет какая-нибудь старушка со сморщенным от горя лицом и прогонит их, как следует отхлестав мокрым

от слез полотенцем.

Между тем Ваня и Максим принялись шарить по могилам и, не разбирая, складывать найденные конфеты в шелестящие кульки. Веня смотрел на них с удивлением: до самого конца он не верил, что им действительно удастся хоть что-то здесь отыскать.

— Э-э-э, ты че все себе заграбастал? Это мои конфеты!

— Это с какой такой радости?

— Я их первый нашел.

— А я первый забрал.

— Так ты их первый забрал потому, что увидел, что я их увидел и иду за ними!

— Но я ведь первый до них добежал.

— Но это нечестно!

— Это с какой такой радости?

— Ты крыса!

— А ты баба.

Пока друзья ссорились, Веня подошел к ним и стал рассматривать могильную плиту, рядом с которой они стояли. Анатолий Борисович Гусев, 1956-2009. С холодного камня на Веню взирал черно-белый старик со строгими лохматыми бровями, оттопыренными ушами и толстой бородавкой на щеке. Лицо Анатолия Борисовича было сосредоточенным и серьезным, будто на момент съемки он уже знал, что эта фотография будет отпечатана на его надгробии. Веня заметил, что большинство покойников выглядели точно также и

точно также смотрели на мир живых холодным, металлическим взглядом. Обычно, фото для надгробия берут из паспорта усопшего, а ведь именно на паспортной фотографии чаще всего человек получается неудачно.

Конфеты Веня не собирал. Увидев, как они, подобно цветам, лежат на могилах, шурша и поблескивая нарядными обертками, он потерял к ним всякий интерес. Соседствуя со смертью, конфеты лишились для Вени своей привычной привлекательности. Ему становилось тошно от мысли, что он будет их есть, и крупинки могильного воздуха окажутся в его организме. Он бродил в лабиринте оградок и изучал эпитафии, имена и лица, высчитывая в голове возраст покойников и выдумывая детали их биографий. Веню не отпускала тревога, которую он старался никак не выказывать, чтобы не показаться трусом перед друзьями. Но эта же тревога вызывала в нем смутное и неясное удовольствие, вынуждавшее его продолжать шагать по кладбищенским тропинкам и глядеть по сторонам.

— Глянь, там какой-то мужик идет! – похолодевшим тоном произнес Максим, невольно приняв позу готового к старту легкоатлета.

Из глубины кладбища к мальчикам приближался бритоголовый мужчина в скрипучих поношенных сланцах, черной безрукавке с выцветшим рисунком на ней и джинсовых шортах, которые когда-то были штанами. На вид ему было лет сорок. Во рту у него колыхалась длинная травинка, край ко-

торой был плотно сжат потрескавшимися губами. Он шел опустив голову и держа костлявые кисти в карманах. Размашистая и трухлявая походка мужчины показалась Вене угрожающей. Мальчики напряглись. Тихо перешептываясь, они замерли на месте в тревожном ожидании.

Мужчина с поникшей головой, поросшей миллиметровым ежиком, и угрюмым выражением на лице чуть было не прошел мимо застывших рядом детей, не заметив их. Но в последний момент, когда мальчикам уже была видна спина незнакомца, он резко повернулся к ним и, окинув их рассеянным взглядом, заговорил:

— Здорова, юнцы. Че, конфеты трескать пришли?

— ...Ну да. – замявшись, решил подать голос Ваня.

— Это дело хорошее. Я, помню, когда был таким же шпингалетом, как вы, тоже ходил на Красную Горку на кладбище конфеты собирать. Только я один ходил, чтобы ни с кем не делиться. Да... – глаза мужчины, поднятые к покачивавшимся кронам деревьев, заволоклись чем-то грустным. – А теперь вот, спустя почти тридцать лет, снова пришел, только уже не собирать, а, наоборот, раскладывать конфеты. Такие вот дела. Такой вот круговорот.

— У вас кто-то умер? – бестактно выпалил Веня, сам удивляясь своей дерзости. Он был не в состоянии бороться с неожиданно охватившим его любопытством.

— Отец. Преставился полгода назад. Батек у меня был человеком душевным, хоть и мудака. Много мне гадкого сделал.

Много слов плохих и несправедливых мне сказал. Но ничего, похоронил. Ведь, кроме меня, хоронить его было больше никому. Всех распугал. Да и у меня, кроме него, никого не осталось. Хожу теперь к нему, навещаю иногда. Водочку периодически с ним распиваем. Он бы, конечно, погнал бы меня в шею, если б мог. Но он же не может, верно? Хе-хе... Хотя, вероятно, сейчас он уже не такой сердитый, каким был при жизни. Могила остепеняет. Всех.

Мужчина замолчал, думая о чем-то своем. Затем, переведя взгляд на стоявшее неподалеку надгробие, он стал пристально рассматривать большой, блестящий на солнце черный камень, стоявший в изголовье аккуратной, высаженной рядами цветов могилы. Смотря на роскошное надгробие, которое было выше и массивнее всех остальных в округе, он, предварительно многозначительно помычав, произнес:

— Да, живут же люди! Ха-ха... — раскатисто засмеялся мужчина, но, увидев, что малолетняя публика юмора не оценила, тут же замолк.

— Ладно, карандаши, удачи вам. Бывайте. — помолчав, потухшим голосом сказал мужчина и откланялся.

Веня смотрел вслед удаляющейся фигуре незнакомца с чувством облегчения. Как ни крути, а дядька был странным и пугающим, хоть и интересным. Максим и Ваня подсмеивались над мужчиной, передразнивая его походку и манеру говорить. Веня был рад, что дал друзьям уговорить себя прийти сюда. Оглядевшись по сторонам, он подошел к одной из

могил, взял одну из лежавших там конфет, развернул и откусил. Было невкусно, но конфету Веня доел.